

УДК 316.462:323.2

Руднева

Елена Леонидовна,
аспирант кафедры
социальных коммуникаций
Школы инженерного
предпринимательства
Национального
исследовательского
Томского политехнического
университета,
Россия, 634050, г. Томск,
пр. Ленина, 30.
E-mail: elena0792@yandex.ru

Чайковский

Денис Витольдович,
кандидат философских
наук, доцент кафедры
менеджмента Школы
инженерного
предпринимательства
Национального
исследовательского
Томского политехнического
университета,
Россия, 634050, г. Томск,
пр. Ленина, 30.
E-mail: dnvit@tpu.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ
КАК ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЙ МЕДИУМ ВЛАСТНЫХ
«СООБЩЕНИЙ». МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И РЕАЛИЗАЦИИ
SOCIAL RESPONSIBILITY OF POWER
AS A PRESENTATION MEDIA OF POWER
COMMUNICATIONS. MECHANISMS FOR FORMATION
AND IMPLEMENTATION**

Е.Л. Руднева, Д.В. Чайковский
E.L. Rudneva, D.V. Chaykovsky

Томский политехнический университет, Россия
Tomsk Polytechnic university, Russia
E-mail: elena0792@yandex.ru

***Актуальность** работы обусловлена возникшей необходимостью исследования социальной ответственности как важного условия осуществления властного процесса. Изучение содержания социальной ответственности власти актуализируется ростом позитивных и негативных последствий, эффективностью политического процесса, устойчивостью структур социального бытия, определяемых ориентацией или неориентацией властных субъектов на социальную ответственность. Анализ обретает значимость в контексте изменения степени внимания к актуальности ответственности как императива властного процесса, нацеленного на формирование устойчивого социального бытия, построение стабильного совместного будущего для общества. В этой связи актуальным становится исследование содержания социальной ответственности вла-*

сти, которое может быть отличным в различных политических средах. Возникает потребность в определении механизмов формирования медиума социальной ответственности, его содержания.

***Цель:** выявить механизмы формирования и реализации социальной ответственности власти, исходя из ее определения как презентационного медиума властных «сообщений». **Теоретико-методологическую базу** работы составляет ряд дополняющих друг друга исследовательских подходов, связанных с представлением о том, что содержание социальной ответственности власти неразрывно связано с властным процессом. В основе работы лежат системный и философский анализы, эвристический потенциал которых позволяет исследовать структуру социальной ответственности власти, определить условия, влияющие на формирование содержания социальной ответственности. **Результаты.** Выявлены механизмы формирования и реализации социальной ответственности власти, анализ которых позволит исследовать содержание социальной ответственности власти в различных политических средах.*

***Ключевые слова:** социальная ответственность власти, политическая среда, механизмы формирования ответственности, механизмы реализации ответственности.*

***The relevance** of the paper is caused by the need to study social responsibility as an important condition for the power process. The study of the content of the authorities social responsibility is actualized by the growth of positive and negative consequences, the effectiveness of political process, stability of social life structures, determined by the orientation or non-orientation of the authorities to social responsibility. The analysis takes on significance in the context of changing the level of attention to the relevance of responsibility as an imperative of the power process aimed at building a stable social life, a stable joint future for society. In this regard, it is important to study the content of social responsibility of power, which can be different in*

different political environments. There is a need to define mechanisms for formation of a medium of social responsibility, its content. The aim of the work is to determine the mechanisms for formation and implementation of social responsibility of the authorities, based on its definition as a presentation medium of powerful communications. The theoretical and methodological basis of the work consists of a number of complementary research approaches related to the notion that the content of social responsibility of power is inextricably linked with the power process. The work is based on systematic and philosophical analysis, the heuristic potential of which allows us to examine the structure of social responsibility of the authorities, determine the conditions that affect the formation of the content of social responsibility. The results. Mechanisms for formation and implementation of social responsibility of the authorities were identified. The analysis of the methods will allow examining the content of social responsibility of the authorities in various political environments.

Key words: *social responsibility of authority, political environment, mechanisms of responsibility formation, mechanisms for implementing responsibility.*

Данная работа представляет собой анализ механизмов формирования и реализации социальной ответственности власти в рамках различных политических сред с позиции рассмотрения социальной ответственности как презентационного медиума. Социальная ответственность власти представляет собой своевременную активную деятельность субъекта по достижению целей объекта власти, которая отвечает правилам, традициям, потребностям и ценностям социального поля, в которой она [ответственность] проявляется. Власть понимает свои обязательства по принятию и реализации социально значимых решений, которые отвечают ожиданиям объекта, удовлетворению его потребностей. Социальная ответственность власти в контексте властного процесса представляет собой инструмент, с помощью которого власть воспроизводит себя в социальном поле. Социальная ответственность является основанием властного процесса, она занимает важное место в накоплении символического капитала. П. Бурдье определяет символический капитал как кредит, аванс, задаток, которые основаны на вере социальной группы во властного субъекта, давшего группе материально-символические гарантии [1]. Данный вид капитала является возможностью субъекта власти быть признанным объектом власти, занять высокое место в социальной иерархии, получить властные права. Основания социальной ответственности связаны с необходимостью субъекта политической власти утвердить свое легитимное положение, укрепить веру объекта власти в заслуженном высоком положении субъекта. Особое место социальной ответственности в процессе обретения политической властью легитимности связано с невозможностью обеспечения легитимности властного субъекта только юридическим способом. Укрепление легитимности напрямую связано с проявлением властью поведения, которое отвечает потребностям общества, влияет на его эмоциональное состояние и заставляет объекта власти выражать свое согласие субъекту власти через подчинение законам, электоральную активность на выборах, положительный эмоциональный отклик в отношении субъекта власти и т. д.

Авторы данной работы полагают, что на теоретическом уровне социальная ответственность власти представляет собой открытую социальную систему, достижение аутопойезиса которой возможно через переживание информации в окружающем системном мире и адаптацию информации в воспроизводстве элементов ответственности. Социальная ответственность власти, рассматриваемая как своевременная деятельность властного субъекта по достижению интересов объекта, может в разные периоды политического процесса, таким образом, представлять различную деятельность власти как социальную ответственность. Так, в демократической политической среде обеспечение политических свобод может быть презентовано как ответственность власти, в тотали-

тарной среде ответственность власти отождествляется с высоким качеством социальной политики. Ответственность власти, таким образом, представляет собой медиума – проводника, который презентует властные «сообщения», является средством коммуникации между властными агентами, символизирует властную деятельность. Медиум социальной ответственности организует поток «сообщений», обеспечивает коммуникацию, а именно формирование единого смысла, который предопределяет однозначность понимания властных «сообщений». Медиум транслирует властные «сообщения» в различных политических средах, отражает потребности объекта и субъекта власти, определяемые условиями политической среды.

Внимание в рамках исследования сосредоточено на механизмах формирования субъектом власти особых смысловых полей, которые определяют видение социальной ответственности власти у объекта власти, а также условий, которые позволяют субъекту власти воспринимать властные «сообщения». Механизмы формирования социальной ответственности власти представляют собой инструменты символизации властного процесса, кодификации властных «сообщений», которые определяют вектор социальной ответственности власти для объекта власти. В качестве механизмов реализации социальной ответственности власти мы рассматриваем особые условия и процессы, которые позволяют объекту власти «расшифровывать» властные «сообщения».

Содержание социальной ответственности власти в политических средах с различными правилами игры может быть различно – особенность каждого отдельного медиума социальной ответственности власти определяется способами формирования и интерпретации «сообщений» в политическом поле дифференцировано кодификацией сообщений политического поля. В рамках данной работы внимание акцентировано на властном коде из возможных культурных кодов. У. Эко в работе «Отсутствующая структура» определяет код как систему вероятностей, которая в наложении ее на равновероятность исходной системы, обеспечивает возможность коммуникации [2]. «Код – пишет автор, – это соответствие между означающим (символ) и означаемым» [2]. Код, по мнению, философа, устанавливает: 1) репертуар противопоставленных друг другу символов; 2) правила их сочетания; 3) однозначность соответствия каждого символа одному означаемому [2]. Таким образом, код также представляет собой определенную «идеологию», набор ожиданий объекта власти, сформированный субъектом для правильной кодировки властных «сообщений» и эффективной политической коммуникации: «Мы опознаем идеологию как таковую, когда, социализируясь, она превращается в код. Так устанавливается тесная связь между миром кодов и миром предзнания. Это предзнание делается знанием явным, управляемым, передаваемым и обмениваемым, становясь кодом, коммуникативной конференцией» [2]. У. Эко также отмечает, что однозначность интерпретации получаемой информации обеспечивается усложнением кода. На наш взгляд, усложнение властного кода представляет собой процесс формирования идентичности объекта власти, определение правил политической среды (политический режим, политическая система). Идентичность определяется нами как осознание объектом власти единства, национальной общности, единого прошлого и настоящего, усвоение [3], правил игры поля. С.А. Антюфеева полагает, что основу идентичности составляют ценности, зафиксированные в смыслах. Таким образом, формирование национальной идентичности представляет собой процесс распределения и формирования «Мы-сознания» [3]. Идентичность способствует интеграции объекта власти в политическую среду, усвоение им определенных смыслов и правильной интерпретации символов.

Таким образом, первым механизмом формирования социальной ответственности власти является кодификации властных «сообщений» – формулирование определенных смыслов, доступных для понимания властных объектов. Данный процесс связан с процессом символизации – переводом властных «сообщений» в значения ментального порядка [4]. В.В. Бычков отмечает, что символизация представляет собой диалектически-диалогический процесс «творчества–восприятия–сотворчества», в центре которого находится «символ», сквозь который просвечивает глубинный смысл «символизируемого» [5]. Социальные явления (творчество) воспринимаются объектом власти как знак чего-то большего (восприятие), например политические выборы являются символом перемен, в приближении которых объект власти осознает свою роль (сотворчество). Представитель семиотического направления Д.Ю. Мисюров проводит аналогию между миром символической политики и геной инженерии: «Метафорически, символы, используемые в социальной жизни, – это гены, образы и смыслы определенного опыта. Операции с символами в социально-политической сфере приводят к созданию сообществ с новыми заданными качествами» [6]. Данная позиция прослеживается также в рамках онтологической сферы, где символ представляет собой категорию обобщения экзистенциального опыта личности [7]. На наш взгляд, символы определяют идентичность объекта власти, его установки во властном процессе. Свойства символов исследователи Т.П. Белова и В.А. Кожин дополняют интегрирующим и дезинтегрирующим свойствами, идентификацией, коммуникацией, легитимацией властных процессов [8]. Символ является инструментом интеграции и мобилизации подвластных групп, а также превосходным средством утверждения чувства единства – идентичности [9]. Проблема изучения символов в качестве способа формирования идентичности социальных групп адресует нас к работе К. Юнга «Архетип и символ». Ученый предполагал, что наряду с личным бессознательным существует коллективное бессознательное, которое представляет собой универсальные архетипы, свойственные национальной, расовой и всечеловеческой психике. В силу своей наиндивидуальной природы архетипы идентифицируются через накопленный опыт, из наблюдения повторяющихся символических структур. Архетип представляет собой «остаток» психологических переживаний наших предков, которые испытывали схожие события, априорные идеи [10]. Они позволяют человечеству «узнавать» различные символы, способствуют их одинаковому восприятию на протяжении нескольких поколений. Архетипы выполняют, таким образом, важную задачу адаптации человека, формирования идентичности различных поколений через узнавание человеком различных символов, их переживание, восприятие. М. Соэнь отмечает: «Символы показывают нам все, что было и что будет, притом в неизменной форме» [11]. Архетип символа, его основной посыл остается неизменным с течением истории изменений ассоциаций людей [11]. Основное значение символа остается, как и сохраняется его архетип. Так, И.И. Глебова предполагает, что востребованной в отечественной социальной науке станет концепция предопределенности жизни российского народа его общим прошлым [12]. Политолог И. Пантин, в частности, замечает: «Ограниченная верхушечная демократия органично вписалась в традиционно российский способ правления» [13]. «Общество в полном смысле устремилось в прошлое», – подтверждает В. Булдаков [14]. Некоторым образом в данных позициях также затронута проблема архетипов на примере российского сознания: сознание объекта власти не является *tabula rasa*, которое можно сформировать с помощью реформаций и изменять с каждым новым историческим этапом. Историческая память поколений и собственный опыт позволяют нам сохранять определенный способ оценки действительности, ее видение. Поэтому символы играют важную роль в кодификации «сообщений», может ме-

няться образ символов, но остается его значение, которое влияет на восприятие объекта власти.

Механизмы реализации социальной ответственности для данной группы способов формирования социальной ответственности власти представляют собой условия для процессов распознавания властных «сообщений» процессов распознавание властных сообщений и сам код – процесс расшифровки «сообщений», их интерпретацию в рамках определенного политического поля. Объект власти, находясь в рамках определенного поля политики, интегрирован в социальную среду, имеет определенную картину мира, таким образом, он способен интерпретировать определенные «сообщения» и символы как проявление властью социальной ответственности. В выступление по радио 3 июля 1941 г. И.В. Сталин начинает истории побед русского народа над Наполеоном, полагая, что бойцы Красной армии достойные приемники победителей в войне с Наполеоном. «В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом – германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная армия и Красный флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь Советской земли. В бой вступают главные силы Красной армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной армии беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной армией на защиту Родины подымается весь советский народ» [15]. Таким образом, российское общество отождествляется со страной победителей, а война становится символом опасности и объединения усилий.

Далее вождь призывает к мобилизации советского народа, его объединению в борьбе с врагом, мужеству и терпению в военное время. «Государственный комитет обороны приступил к своей работе, и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной армии и Красного флота, для разгрома врага, для победы. Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной армии, нашего славного Красного флота! Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!» [15]. Обращение вождя к народу с призывом мобилизации становится символом веры, участия власти в жизни общества, его стремления защитить общие границы и советский народ. Таким образом, объект власти отождествляет социальную ответственность власти, с одной стороны, с совместными усилиями народа и власти, а с другой стороны – с отцовской заботой вождя о своем отечестве.

Механизмом реализации социальной ответственности власти в данной группе может являться символическое взаимодействие (символический интеракционизм). Идея символического взаимодействия принадлежит антропологу и социологу Дж. Мид. Он полагал, что интеракция представляет собой процесс, в рамках которого вырабатываются, существуют и изменяются символические значения и конструируется социальная реальность. Ученик Дж. Мида Г. Блумер позднее предполагал, что позиция символического взаимодействия заключается в том, что «миры» человека или социальных групп содержат в себе «объекты» и символы, которые являются результатом взаимодействия, взаимного влияния социальных групп [16]. В рамках исследования механизмов формирования социальной ответственности власти символическое взаимодействие представляет собой создание среды, в которой индивид проводит адекватную оценку «объектов» среды, определяет их ценность, понимает значение символов и формирует картину мира, которая позволяет ему оценивать властные «сообщения» с позиции его сформированного видения социальной ответственности власти.

Механизмы формирования социальной ответственности власти, обозначенные выше (кодификации властных «сообщений», символизация), определяют механизм следующего уровня – политическая культура. Мы придерживаемся определения политической культуры, сформированного американскими учеными Г. Алмондом и С. Вербой: политическая культура – это политическая система, усвоенная в сознании, чувствах и оценке населения [17]. Н.Г. Щербинина полагает, что политическая культура представляет собой конструктивную знаковую систему, общий смысловой контекст которой состоит в зависимости от законов памяти [18]. Автор отмечает, что для каждой политической культуры характерен определенный знаковый ряд, который конституирует политическую реальность и семиотически моделирует политическую коммуникацию [18].

Механизмы реализации социальной ответственности власти представляет собой конструирование политической реальности, а также политическую картину мира объекта власти. Н.Г. Щербинина отмечает, что властное творчество отличается конструктивно в каждом поле – как заданный властью смысловой мир, особая политическая реальность [18].

Политическая картина мира, на наш взгляд, представляет собой совокупность представлений, суждений, способов оценки политической действительности, а также представление объекта власти о его месте в данном процессе.

В условиях современной ситуации данные механизмы можно проанализировать с точки зрения миграционного кризиса в Европе. В Конвенции ООН о статусе беженцев, принятой в 1951 г., беженцем признается лицо, которое в результате событий до 1951 г. в силу опасений стать жертвой преследований по принципу расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне своего государства и не может пользоваться его защитой [19]. Данное определение является актуальным и для современной ситуации. Все законодательные документы государств, касающихся проблем беженцев, ориентированы на соответствие международной Конвенции о правах беженцев, принятой в 1951 г. Во второй половине 2015 г. проблема миграционного кризиса занимает центральное место в политическом и информационном поле. Основной причиной потока беженцев из Ближнего Востока, по мнению мирового сообщества, являются военные действия в Сирии. Так, по данным Syrian Observatory for Human Rights на август 2015 г. количество жертв вооруженного конфликта превысило 330 тысяч [20]. Со временем к беженцам из Сирии присоединились беженцы из Афганистана, Северной Африки. По данным Международной организации по миграции количество беженцев, прибывших в Европу к началу 2016 г., составило 67 197 человек [20]. По мнению главного комиссара ООН по проблемам беженцев, увеличение миграционного потока связано с тремя причинами. Первая заключается в потере веры сирийского народа в возможность политического урегулирования конфликта в Сирии. Вторая причина – истощение ресурсов у людей, которые живут в изгнании, вынужденные покинуть свое место жительства. Третья причина предполагает сокращение гуманитарной помощи от легитимной сирийской власти своим гражданам [21]. Однако, по мнению мирового сообщества, большинство людей бежит не из-за угрозы военных действий, а по причине отсутствия экономических перспектив в разрушенных районах, стремления населения получить дотации от стран Европы. Миграционный кризис в странах Европы привел к ряду негативных последствий. По мнению Р. Гасанова, миграционный кризис расколол страны Европы. Около половины всех заявлений о предоставлении убежища приходится на Германию, которая принимает основной поток беженцев. Однако жители Германии и стран Восточной Ев-

ропы выступают против приема беженцев и мигрантов. Кроме того, страны Восточной Европы выступают против обязательных чрезвычайных квот по приему беженцев, предполагая, что в последующем временные квоты станут постоянными [22]. Миграционный кризис негативно влияет не только на отношения между странами, но и на внутрисполитическую обстановку государства. Абсолютное большинство немцев (81 %) заявляет, что их государство не справляется с миграционным кризисом. Протестные настроения оказывают влияние на ослабление символического капитала немецкой власти. Неконтролируемый процесс переселения беженцев повлиял на ухудшение экономического положения Германии, нестабильности в обществе, наблюдается рост протестных настроений [22]. Недовольство жителей Европы увеличением числа мигрантов связано с их непринятием Чужого, возможно, из-за отсутствия единой коммуникационной среды европейцев и мигрантов. Опасения европейцев объясняются наличием рисков того, что мигранты не смогут адаптироваться к европейской культуре и начнут ее замещение традициями своих народов. В данном аспекте мы, напротив, видим отсутствие описанных механизмов формирования и реализации социальной ответственности в рамках отдельных европейских государств. Однако, с другой стороны, мы видим формирование и реализацию данных механизмов на общеевропейском уровне. Поощрительная социальная политика в интересах сирийских беженцев – проявление заботы властей в отношении незащищенных ущемленных слоев населения, политическая деятельность в соответствии с традициями и ценностями Европейского союза и европейского народа, приоритетами, прописанными в Конвенции ООН о статусе беженцев. Таким образом, механизмом интеграции являются меры поддержки в отношении мигрантов, а механизмом коммуникативной среды – приверженность европейским ценностям и децентрализация действий в странах Европы.

Группу механизмов формирования социальной ответственности власти, на наш взгляд, представляют механизмы формирования имиджа власти и ее мифологизации. Имидж власти в рамках данного исследования мы синонимизируем с образом власти и сценарием власти. Р.С. Уортман под сценарием власти понимает индивидуальный способ презентации властного мифа [23]. О.И. Муравьева, Н.С.Вершинина, Е.А. Мирицкая отмечают, что образ власти изменчив, что связано с деятельностью субъектов власти, а также колебанием общественного мнения. С точки зрения данных ученых образы политической власти в качестве своей основы имеют неполитический опыт, полученный в различных социальных институтах. Это определяет формирование бессознательного опыта власти [24]. Эмоциональный компонент восприятия власти, по мнению ученых, преобладает над рациональным, когнитивным [24].

Образ власти оказывает определенное влияние на формирование оценки социальной ответственности власти объектом. Таким образом, мы предполагаем, что мифологизация и создание образа власти могут являться отдельными механизмами формирования содержания социальной ответственности власти. В качестве механизмов реализации выступают: пропаганда (как средство односторонней коммуникации, по мнению Н.Г. Щербининой), праздники, творчество, ритуалы. Р.С. Уортман, описывая роль, праздников в императорской семье Романовых, замечает, что баварский посланник на коронации Николая II Карл Мой назвал это действие «ошеломляющим зрелищем мощи и величия России» [25]. Такие праздники, по мнению исследователя, действительно, были направлены на утверждение величия российской монархии в глазах других стран, но также для того, чтобы поразить самих русских величием их власти. Праздничные ритуалы были направлены не на увеселение народа, а на утверждение чувства придворных в верховном начале власти, ее сакральности [25].

Мифы и образ власти в XVIII–XIX в. приобретают черты эпической драмы завоевания с новым правителем – победителем, который приносит России блага цивилизации и прогресса. Сценарий власти представляет собой постоянное движение и прогресс государства. Субъект власти представляется в образе освободителя-героя, призванного спасти Россию от деспотов и угасания. Сценарий власти, таким образом, очерчивает также контур норм поведения россиян как жителей цивилизационного монархического государства [25]. М. Бахтин отмечает, что презентация власти заключается в этот период в главенствующей роли монарха как непререкаемой истине [26]. Таким образом, монарх становится воплощением высшей справедливости, посланником Бога. Религиозный философ Н.А. Бердяев в своем произведении «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии», критикуя демократию, покушающуюся на сакральность власти, ее особый статус, намекает на божественный источник власти [27]. Таким образом, вектор понимания социальной ответственности власти направлен на ее понимание как справедливость, строгость правителя, его просветительскую функцию, героические черты характера, что априори определяется сакральностью его властного статуса, приближенность к Богу.

Кроме того, справедливым считался только законный царь как приемник добрых начал и положительных качеств у предков-правителей. Борис Годунов, пытаясь утвердить свой властный статус в глазах народа, приписывал социальные бедствия вельможам: «стены в Грановитой палате расписали по его приказу картинами соответствующего содержания. На одной из них был нарисован царь в глубокой кручине от «крамолы вельмож», на другой он вручал судье праведному меч отмщения. Однако сам Борис, не попав в разряд справедливых государей, не став царем «хорошим», напротив, сделался царем «плохим», так как средневековое сознание никак не легитимировало самовыдвиженца. И не помогли никакие заигрывания с народом, типа раздачи хлеба и денег» [24]. В Смутное время, когда Лжедмитрий противостоял боярскому царю Василию Шуйскому, он как «законный» наследник автоматически становился настоящим покровителем как наследник справедливого царя [25].

Создание героического образа власти, символа силы и могущества возможно через несколько механизмов: пропаганда, праздники, военные действия. По мнению политологов Н.Г. Щербининой и А.И. Щербинина, праздник Победы в Великой Отечественной войне представляет собой некий конструкт «Победа», который возвращает наше мышление к архаическому символу Героя [25]. Этот конструкт является частью целого конструкта. Такой частью становится президент, который представляет все общество [25] – общество приемников-победителей, сильных духом, а следовательно, сам является победителем, лидером, на которого переносятся положительные образы Сталина как освободителя и спасителя.

Победы в международных спортивных соревнованиях также являются символом России как страны победителя, которая отождествляется с политическим лидером. Некоторым образом, здесь нарушается правило синергетики, согласно которому нельзя судить обо всей системе по одному элементу и об одном элементе по всей системе.

Теоретический анализ позволяет нам прийти к ряду предварительных выводов. Так, по мнению авторов данного исследования, механизмы формирования социальной ответственности власти определяют контуры ожиданий объекта власти в определенном содержании социальной ответственности власти в поле политики; условия и процессы, в рамках которых объект власти может извлекать, осмыслить властную информацию о содержании социальной ответственности.

Первый механизм формирования социальной ответственности власти представляет собой кодификацию властных «сообщений» – формулирование определенных смыслов, доступных для понимания властных объектов. Данный процесс связан с процессом символизации – переводом властных «сообщений» в значения ментального порядка. Кодификация «сообщений» связана с созданием условий для кодировки властных «сообщений» и кодом «сообщений».

К числу механизмов формирования социальной ответственности власти мы также относим политическую культуру. Кроме того, в качестве механизма формирования социальной ответственности власти выступает мифологизация и образ власти. Механизм реализации социальной ответственности власти в рамках мифологизации и образа власти представляет собой празднование национальных праздников, творчество, пропаганду и др.

Общий контур ответственности власти представляет собой ожидания объекта власти в справедливости субъекта власти, ее избранности (Богом, народом), легитимности правителя, недоступности, сакральных свойствах, героизации, любви к отечеству – «отечества сын», «отец отечества», «мать всея Руси» и др.

Дальнейшие исследования будут направлены на исследование механизмов достижения баланса в проявлении властью социальной ответственности. Будут определены механизмы достижения баланса между объектом и субъектом власти в проявлении властью социальной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education / ed. by J. Richardson. – New York: Greenwood Press, 1986. – p. 241-258
2. Эко У. Отсутствующая структура / пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. – М.: Симпозиум, 2006. – 548 с.
3. Антюфеева С.А. Место и значение культурных смыслов в процессе становления национальной идентичности // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 4. – С. 1–6.
4. Кирдяшкин И.В. Молодежная политика как фактор социализации современной российской молодежи: дис. ... д-ра филос. наук. – Томск, 2012. – 342 с.
5. Бычков В.В. Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 81–90.
6. Мисюров Д.А. Символическое моделирование в России: трансформации «имперско-советско-президентской» модели // Полис. – 2009. – № 3. – С. 125–135.
7. Кармадонов О.А. Откровения и парадоксы символического интеракционизма // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 1–21.
8. Белова Т.П., Кожин В.А. О социологическом подходе к изучению социальной символики // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. IX. – Вып. 1 (34). – С. 263–273.
9. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
10. Юнг К.Г. Архетипы и символы. – М.: Ренессанс. – 1991. – 185 с.
11. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / пер. с нем. Г. Гаева. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 512 с.
12. Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // Полис. Политические исследования. – 2006. – Т. 1. – № 1. – С. 33–44.
13. Пантин И.К. В чем же заключается выбор россиян? // Полис. Политические исследования. – 2003. – Т. 6. – № 6. – С. 150–159.
14. Булдаков В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Iaponica. – 2005. – № 22. – С. 95–119.
15. Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. – М.: Писатель, 1997. – 177 с.
16. Кармадонов О.А. Социология символа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2004. – № 3. – С. 106–113.

17. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры) (I) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2010. – № 2 (57). – С. 122–144.
18. Щербинина Н.Г. Политико-культурные коды и конструктивное творчество современной российской власти // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 3 (35). – С. 255–263.
19. Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 года // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: ООН, 1997. – С. 124–133.
20. Гасанов Р.М. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2016. – № 7. – С. 11–23.
21. УВКБ: сокращение гумпомощи САР – одна из причин миграционного кризиса // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20151005/1297177679.html> (дата обращения: 17.01.2017).
22. Вершинина Н.С., Мирицкая Е.А., Муравьева О.И. Сознательные и бессознательные компоненты образа политической власти // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 27. – С. 54–60.
23. Уортман Р.С. Сценарии власти: миф и церемония в русской монархии. В 2-х т. Т. 1. – М.: ОГИ, 2002. – 797 с.
24. Cannadine D. Introduction: the Divine Rites of Kings // *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 69 p.
25. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический конструкт «Победа» в контексте феномена ностальгии по советскому // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 3 (11). – С. 7–23.
26. Бахтин М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
27. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. – 349 с.

REFERENCES

1. Bourdieu P. The forms of capital. *Handbook of theory and research for sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. New York, Greenwood Press, 1986. pp. 241–258
2. Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura* [The absent structure]. Translated from Italian by V. Reznik, A. Pogonyaylo. Moscow, Simpozium Publ., 2006. 548 p.
3. Antyufeeva S.A. Mesto i znachenie kulturnykh smyslov v protsesse stanovleniya natsionalnoy identichnosti [Place and meaning of cultural signications in the process of the development of national identity]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2010, no. 4, pp. 1–6.
4. Kiryashkin I.V. *Molodezhnaya politika kak faktor sotsializatsii sovremennoy rossiyskoy molodezhi*. Dis. Dokt. nauk [Youth policy as a factor of socialization of contemporary Russian young people]. Tomsk, 2012. 342 p.
5. Bychkov V.V. Simvolizatsiya v iskusstve kak esteticheskiy printsip [Symbolization in art as an aesthetic principle]. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 3, pp. 81–90.
6. Misyurov D.A. Simvolicheskoe modelirovanie v Rossii: transformatsii «impersko-sovetsko-prezidentskoy» modeli [Symbolic modeling in Russia: Transformations of the «Imperial-Soviet-Presidential» Model]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2009, no. 3, pp. 125–135.
7. Karmadonov O. A. Otkroveniye i paradoksy simvolicheskogo interaktsionizma [Revelations and paradoxes of symbolic interactionism]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2006, no. 2, pp. 1–21.
8. Belova T.P., Kozhin V.A. O sotsiologicheskom podkhode k izucheniyu sotsialnoy simvoliki [On Sociological Approach to a Study of Social Symbolism]. *Lichnost. Kultura. Obshchestva*, 2007, vol. IX, Iss. 1 (34), pp. 263–273.
9. Potseluev S.P. Simvolicheskaya politika: konstellyatsiya ponyatiy dlya podkhoda k probleme [Symbolic politics: constellation of concepts for approach to the problem]. *Politicheskie issledovaniya*, 1999, no. 5, pp. 62–75.
10. Yung K.G. *Arkhetipy i simvoliy* [Archetypes and symbols]. Moscow, Renessans Publ., 1991. 185 p.
11. Bauer V., Dymotts I., Golovin S. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Translated from German by G. Gaeva. Moscow, KRON-PRESS Publ., 1998. 512 p.
12. Glebova I.I. Politicheskaya kultura sovremennoy Rossii: obliki novoy russko vlasti i sotsialnye raskoly [The political culture of modern Russia: the appearance of new Russian government and social schisms]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2006, vol. 1, no. 1, pp. 33–44.
13. Pantin I.K. V chem zhe zaklyuchaetsya vybor rossiyan? [What is the choice of the Russians?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2003, vol. 6, no. 6, pp. 150–159.

14. Buldakov V. Sistemnye krizisy v Rossii: sravnitelnoe issledovanie massovoy psikhologii 1904–1921 i 1985–2002 godov [Systemic crises in Russia: a comparative study of mass psychology in 1904–1921 and 1985–2002]. *Acta Slavica Iaponica*, 2005, no. 22, pp. 95–119.
15. Stalin I.V. Sochineniya [Writings]. Moscow, Pisatel Publ., 1997. Vol. 15, 177 p.
16. Karmadonov O.A. Sotsiologiya simvola [Sociology of a symbol]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2004, no. 3, pp.106–113.
17. Almond G.A., Verba S. Grazhdanskaya kultura (Podhod k izucheniyu politicheskoy kultury) (I) [Civic culture (Approach to the study of political culture)]. *Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki «Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz»*, 2010, no. 2 (57), pp.122–144.
18. Shcherbinina N.G. Politiko-kulturnye kody i konstruktivnoe tvorchestvo sovremennoy rossiyskoy vlasti [Political and cultural codes and constructive creativity of contemporary russian power]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 2016, no. 3 (35), pp. 255–263.
19. Konventsiya OON o statuse bezhentshev 1951 goda [Convention Relating to the Status of Refugees]. *Prava cheloveka. Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov*. New York, OON Publ., 1997. pp. 124–133.
20. Gasanov R.M. Migratsionnyy krizis v Evrope: prichiny, posledstviya, perspektivy razresheniya [Migration crisis in Europe: causes, consequences, perspectives of resolution]. *Aktualnye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy*, 2016, no. 7, pp.11–23.
21. UVKB: Sokrashchenie gumpomoshchi SAR – odna iz prichin migratsionnogo krizisa [Reducing Awareness of ATS is one of the causes of the migration crisis]. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/world/20151005/1297177679.html> (accessed 17 January 2017).
22. Vershinina N.S., Miritskaya E.A., Muraveva O.I. Soznatelnye i bessoznatelnye komponenty obraza politicheskoy vlasti [Conscious and unconscious components of the image of political power]. *Sibirskiy psikhologicheskyy zhurnal*, 2008, no. 27, pp. 54–60.
23. Uortman R.S. *Stsenarii vlasti: mif i tseremoniya v russkoy monarkhii* [Scenarios of power: myth and ceremony in the Russian monarchy]. Moscow, OGI Publ., 2002. Vol. 1, 797 p.
24. Cannadine D. Introduktsion: the Divine Rites of Kings. *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 69 p.
25. Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. Politicheskyy konstrukt «Pobeda» v kontekste fenomena nostalgii po sovetскому [The political construct «Victory» in the context of the phenomenon of nostalgia for the Soviet epoch]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 2010, no. 3 (11), pp. 7–23.
26. Bakhtin M. *Epos i roman* [Epic and novel]. Moscow, Azbuka Publ., 2000. 304 p.
27. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva. Pisma k nedrugam po sotsialnoy filosofii* [Philosophy of inequality. Letters to Foes on Social Philosophy]. Moscow, AST, Astrel, Poligrafizdat Publ., 2010. 349 p.

Дата поступления 20.10.2017